

М. И. ВЕРЕВКИН

Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова

Михайло Васильевич Ломоносов родился 1711 года, в Двинском уезде, в Куростровской волости, в деревне Денисовской, на Болоте тоже, на острове, лежащем недалеко от Холмогор.

Отец его государственной крестьянин Василий Дорофеев сын, житель сей волости, промыслом рыбак*. Начал брать его от десяти до шестнадцатилетнего возраста с собою, каждое лето и каждую осень, на рыбные ловли в Белое и Северное море. Ездил с ним даже до Колы, а иногда и в Северный Океан до 70 градусов широты места. Сам он рассказывал обстоятельства сих стран о ловле китов и о других промыслах.

Возвращаясь с рыбных промыслов, провождал зиму дома. В селении своем научился у одного тамошнего священнослужителя** читать и писать по-русски, читал обыкновенно одни только церковные книги, и когда прашивал у учителя своего светских, то сей обыкновенно отвечал ему, что для приобретения большого знания и учености требуется знать язык латинской; а сему не инде можно научиться, как в Москве, Киеве или Петербурге, что в сих только городах

* Он первой из жителей сего края состроил и по европейски оснастил на реке Двине, под своим селением, галиот и прозвал его Чайкою: ходил на нем по сей реке, Белому морю и по Северному Океану для рыбных промыслов и из найму возил разные запасы, казенные и частных людей, от города Архангельского в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу, Кильдин, по берегам Лапландии, Семояди и на реку Мезень.

** Чрез два года учинился, ко удивлению всех, лутчим чтецом в приходской своей церкви. Охота его до чтения на клиросе и за амвоном была так велика, что не редко биван был не от сверстников по летам, но от сверстников по учению за то, что стыдил их превосходством своим пред ними произносить читаемое к месту расстановочно, внятно, а при том и с особою приятностию и ломкостию голоса.

довольно книг на том языке. Простой арифметике* выучился он сам собою**.

Долгое время питал он в себе желание убежать в которой-нибудь из сказанных городов, чтоб вдаться там наукам. Нетерпеливо ожидал удобного случая. На 17 году возраста своего напоследок оной открылся. Из селения его отправлялся в Москву караван с мерзлой рыбою. Всячески скрывая свое намерение¹, поутру смотрел, как будто из одного любопытства, на выезд сего каравана. Следующей ночью, как все в доме отца его спали***, надев две рубашки и нагольный тулуп, погнался за оным вслед. В третий день настиг его в семидесяти уже верстах. Караванной прикащик не хотел прежде взять его с собою, но, убежден быв просьбою и слезами, чтоб дал ему посмотреть Москвы, наконец согласился. Через три недели прибыли в столичный сей город. Первую ночь проспал Ломоносов в общевнях у рыбного ряду. На завтрее проснулся так рано, что еще все товарищи его спали. В Москве не имел ни одного знакомого человека. От рыбаков, с ним приехавших, не мог ожидать никакой помощи: занимались они продажею только рыбы своей, совсем об нем не помышляя. Овладела душею его скорбь; начал горько плакать; пал на колени; обратил глаза к ближней церкви и молил усердно Бога, чтобы его призрил и помиловал.

Как уже совсем рассвело, пришел какой-то господской прикащик покупать из обоза рыбу. Был он земляк Ломоносову, коего лице показалось ему знакомо. Узнав же кто он таков и об его намерении, взял к себе в дом и отвел для житья угол между слугами того дома.

У караванного прикащика был знакомой монах в Заиконоспасском монастыре, которой часто к нему хаживал. Через два дни после приезда его в Москву пришел с ним повидаться. Представя он ему молодого своего земляка, рассказал об его обстоятельствах, о чрезмерной охоте к учению и просил усиленно по-

* В доме Христофора Дудина увидел он в первый в жизни своей раз недуховные книги. То были старинная славенская грамматика и арифметика, напечатанная в Петербурге, в царствование Петра Великого для навигатских учеников. Неотступные и сильные просьбы, чтоб старик Дудин ссудил его ими на несколько дней, оставались всегда тщетными. Отрок, пылающий ревностию к учению, долгое время умышленно угождая трем стариковым сыновьям, довел их до того, что выдали они ему сии книги. От сего самого времени не расставался он с ними никогда, носил везде с собою и, непрестанно читая, вытвердил наизусть. Сам он потом называл их вратами своей учености.

** На тринадцатом году младый его разум уловлен был раскольниками так называемого толка беспоповщины; держался одного два года, но скоро познал, что заблуждает.

*** Не позабыл взять с собою любезных своих книг, составлявших тогда всю его библиотеку: грамматику и арифметику.

стараться, чтоб приняли его в Заиконоспасское училище. Монах взял то на себя и исполнил самым делом. И так учинился наш Ломоносов учеником в сем монастыре*. Дома, между тем, долго его искали и, не нашед нигде, почитали пропавшим до возвращения обоза по последнему зимнему пути: тогда уже узнали, где он и что он.

В монастыре обучался Ломоносов** с великою охотою и оказал примерные успехи. По прошествии первого полугода перевели его из нижнего класса во второй; в том же году из второго в третий класс. Через год после того столько стал он силен в латинском языке, что мог уже на нем сочинять небольшие стихи. Тогда начал учиться по-гречески, а в свободные часы, вместо того, что другие семинаристы проводили их в резвости, рылся в монастырской библиотеке. Находимые во оной книги утвердили его в языке славенском. Там же, сверх летописей, сочинений церковных отцев и других богословских книг, попало в руки его малое число философских, физических и математических книг.

Заиконоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам, прибегнул к архимандриту с усильною просьбою, чтоб послал его на один год в Киев учиться философии, физики и математики; но и в Киеве, против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии: не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь больше в чтении древних летописцев и других книг, писанных на славенском, греческом и латинском языках⁴.

* А как не принимают в сию семинарию положенных в подушной оклад, то назвался Ломоносов дворянином. Покойной Новгородской архиерей Феофан Прокопович в Киеве его узнав и любя за отменные в науках успехи, призвал к себе и сказал ему: «Не бойся ничего; хотя бы со звоном в большой Московской соборной колокол стали тебя публиковать самозванцем, я твой защитник».

** Вступление его в Заиконоспасское училище было в 1729 году, при ректоре архимандрите Германе Концевиче и префекте Софронии Мегалевиче².

За латинскую азбуку посадил его иеромонах Модест Ипполитович.

В 1730 году переведен в латинской грамматической класс учителя иеромонаха Германа Канашевича.

В 1731, синтаксис преподавал ему белец Тарасий Посников.

В 1732, в латинской и российской поэзии наставлял иеромонах Феофилакт Кветницкий.

В 1734, слушал риторику у иеромонаха Порфирия Крайского, которой после того заступил место ректора сего училища.

В мае месяце 1735³, ради отличных успехов в учении, ректор архимандрит Стефан и префект Антоний отправили его в Санктпетербургскую Академию Наук.

В его время покойной Новгородской преосвященной Димитрий Сеченой был еще не пострижен и учил читать и писать по латыне.

Скоро по возвращении его в Спасское училище, прислано во оное было в 1734 году* требование из Петербургской Академии Наук о присылке нескольких семинаристов, которые бы уже разумели по латыне, для учения физики и математики у тамошних профессоров. Ломоносов возрадовался давно желанному случаю и неотступно просил архимандрита, чтоб его туда послал**.

Он приехал с прочими учениками из Спасского монастыря в Петербург, в состоящую под ведомством Академии гимназию. Там слушал начальные основания философии и математики и прилежал к тому с крайнею охотою, упражняясь между тем и в стихотворении, но из сих последних его трудов ничего в печать не вышло. Отменную оказал склонность к экспериментальной физике, химии и минералогии. Проучившись целые два года начальным основаниям сих наук и утвердившись в математике, назначен был с товарищем своим Виноградовым в Германию: прежде в Марбург, к тогдашнему славному философу и математику Христиану Вольфу.

По происшествии трех лет отправлен, по совету сего славного мужа, к искусному горному советнику Генкелю в Фрейберг, на Саксонские медные рудники, учиться практической металлургии и горному делу.

Через год возвратился в Марбургской университет для продолжения теории сих наук.

Не замедлил сделаться силен в немецком языке, к которому, еще будучи в Петербурге, положил хорошее основание. От обхождения с тамошними студентами и слушая их песни, возлюбил немецкое стихотворство. Лутчей для него писатель был Гинтер. Многих знатнейших стихотворцев вытвердил наизусть. По тамошним ямба, хореем и дактилям начал размерять стопы и в русских стихах совсем новым образом, несравненно глаже и согласнее прежних в чтении. Первой пример таких размеров в русских стихах оказал в 1739*** году, торжественною одою на победу, одержанную российскими императорскими войсками над татарами и турками, или на завоевание крепости Хотина. Сию оду послал он из Марбурга к тогдашнему Санктпетербургской Академии Наук президенту

* Показание в Жизни сего мужа, напечатанной при издании его трудов в 1778 году, будто бы переведен он был из Заиконоспасской в Петербургскую Академию 1734 года, есть несправедливо⁵. Нынешним сего монастыря ректором Павлом, особою достойною почтения, найдена своеручная Ломоносова расписка в приеме жалованья за генварскую треть 1735 года трех рублей пятидесяти копеек.

** Способствовал ему и в том после бывший синодальным вице-президентом Новгородской и Великолутской архиепископ Феофан Прокопович.

*** Из сего ясно, что г. Ломоносов задолго перед тем ввел стопы в российское стихотворство, как г. Сумароков, только что выпущенный в сем самом году из Кадетского корпуса, учинился известным стихотворцем.

г. Корфу. Отдана она была для просмотра г. Ададурову, обще с некоторыми академиками. Удивились они размеру стихов, которой до сего времени был вовсе неизвестен в российском стихотворстве. Написана ода была ямбическими стопами на вкус Гинтеров, подражательно славной его оде.

Камергер Корф напечатал ее. Подал в торжественной день императрице Анне. Разнесена была ко всем придворным; каждой читал ее со удивлением.

В то самое время, то есть 1740 года, женился Ломоносов в Марбурге тайно на дочери хозяина того дома, где жил, портного мастера, которая еще до отлучения его из сего города учинила его отцом.

Жил он в Марбурге, городе недалеко от Гарцских гор, одним жалованьем, получаемым из Петербургской Академии по третям, содержал порядочно свое семейство.

Академия, по прошению его, позволила ему побывать на Гессенских рудниках, что в Гарце. Там познакомился он со славным горным советником и металлургом г. Крамером, имевшим тогда уже в готовности к напечатанию прекрасное свое сочинение об искусстве разделения металлов. У сего ученого и искусного мужа он довольно долгое время и много успел в практической металлургии. Во осматривании плавильных и разбивных заводов провел целое лето; зимою возвратился в Марбург и остался там до весны 1741 года.

От неминуемых издержек на содержание скрываемого им семейства своего и от непорядочного, может быть, хозяйства впал в нищету и долги; дошел наконец почти до отчаянного состояния, так что непрестанно угрожаем был тюрьмою от должников, коих удовлетворить не имел силы. Принужденным себя увидел уйти из сего города, питаясь милостиною по дороге. Из полученного им, незадолго пред тем, третнего жалованья не оставалось у него ни копейки. Расположился идти или в Любек, или Голландию, и после отправиться морем в Петербург.

Не простившись ни с кем, ниже с женою своею, одним вечером вышел со двора и пустился прямо по дороге в Голландию. Шел всю ночь. На третий день, миновав Диссельдорф, ночевал поблизости от сего города в небольшом селении на постоялом дворе. Нашел там прусского офицера с солдатами, вербующего рекрут. Здесь случилось с ним странное происшествие: путник наш показался пруссакам годною рыбою на их уду. Офицер просил его учтивым образом сесть подле себя, отужинать с его подчиненными и вместе выпить, так ими называемую, круговую рюмку. В продолжение стола разхваливана ему была королевская прусская служба. Наш путник так был уподчиван, что не мог помнить, что происходило с ним ночью. Пробудясь, увидел на платье своем красной воротник; снял его. В карманах ощупал несколько прусских денег. Прусский офицер, назвав его храбрым солдатом, дал ему, между тем, знать, что конеч-

но сыщет он счастье, начав служить в прусском войске. Подчиненные сего офицера именовали его братом... «Как, — отвечал Ломоносов, — я ваш брат? я россиянин, следовательно вам и не родня...» «Как? — закричал ему прусской урядник, — разве ты не совсем выспался или забыл, что вчерась при всех нас вступил в королевскую прусскую службу; бил с г. поручником по рукам; взял деньги; пил с нами круговую рюмку за свое и полку нашего здоровье и побратался с нами. Не унывай только и не думай ни о чем, тебе у нас полюбится, детина ты доброй и годишься на лошадь».

Таким образом сделался бедной наш Ломоносов королевским прусским рейтаром. Палка прусского вахмистра запечатлела у него уста. Дни чрез два отведен в крепость Вессель с прочими рекрутами, набранными по окрестностям.

Принял однако же сам в себе твердое намерение вырваться из тяжкого своего состояния при первом случае. Казалось ему, что за ним более присматривают, нежели за другими рекрутами. Стал притворяться веселым и любившим солдатскую жизнь. К счастью, не поставили его постоем в городе, а держали в караульне, где он и спал на нарах.

Караульня находилась близко вала, задним окном была к скату. Заметив он то и высмотрев другие удобства к задуманному побегу, дерзновенно оный предпринял и совершил счастливо.

На каждой вечер ложился он спать весьма рано; высыпался уже, когда другие на нарах были еще в первом сне. Пробудясь по полуночи и приметя, что все еще спали крепко, вылез, сколько мог тише, в заднее окно; всполз на вал и, пользуясь темнотою ночи, влекся по оному на четвереньках, чтобы не приметили того стоящие на валу часовые. Переплыл главной ров, а за внешними укреплениями и рavelинной, проминовал с крайним трудом контрескарп, покрытой ход, палисадник и гласис и увидел себя наконец на поле. Оставалось зайти за прусскую границу. Бежал из всей силы с целую немецкую милю. Платье на нем было мокро.

Стало, между тем, рассветать. Услышал пушечной выстрел из крепости, обычной знак погони за ушедшим рекрутом. Овладевший им страх придал ему силы. Ударился бежать, сколько мог, скорее. Непрестанно оглядываясь, завидел вдали скачущего за собою человека во весь опор, но успел однако-же он, между тем, перебежать за Вестфальскую границу.

Обошел из предосторожности епископское селение находившимся поблизости лесом, остановился в нем отдохнуть, сушил мокрое свое платье, проспал спокойно до полудни. Восстановя таким образом силы свои, пустился в путь и прибыл чрез Арнгейм и Утрехт в Амстердам, называясь везде бедным саксонским студентом.

В последнем городе Российской императорской поверенной в делах господин Олдекоп, изрядно его приняв, отправил, сходственно

с его желанием, в Гагу к Российскому же послу графу Головкину на шлюпке. Сей граф довольствовал его чрез несколько дней всем нужным и, дав на дорогу деньги, отослал обратно в Амстердам, где скоро сыскал он удобной случай отправиться морем в Петербург.

Еще до отъезда своего из Гаги уведомил он оставленную в Марбурге жену свою чрез письмо о приезде своем в Голландию к Российскому императорскому послу графу Головкину и чтобы не писала к нему прежде, пока не даст ей знать о будущем своем состоянии и о месте своего пребывания. После не мог более года переписываться с нею, может быть, для того, что по приезде в Петербург 1741 года, где скоро пожаловали его адъютантом, обстоятельства не позволяли объявить, что он женат, да и не сказывал о том никому. Жену с дочерью, по дороговизне петербургской жизни, не в состоянии был содержать своим жалованьем.

На возвратном своем пути морем в отечество единожды приснилось ему, что видит выброшенного, по разбитии корабля, отца своего на необитаемый остров в Ледяном море, к которому в молодости своей бывал некогда с ним принесен бурей. Сия мечта впечатлелась в его мыслях. Прибыв в Петербург, первое его попечение было навеститься от архангелогородцев и Холмогоров об отце своем. Нашел там родного своего брата и услышал от него, что отец их того же года по первом вскрытии вод отправился по обыкновению своему в море на рыбной промысел; что минуло уже тому четыре месяца, и ни он, ниже кто другой из его артели, поехавших с ним, еще не воротились. Сказанной сон и братние слова наполнили его крайним беспокойством. Принял намерение проситься в отпуск, ехать искать отца на тот самой остров, которой видел во сне, чтоб похоронить его с достою честию, если подлинно найдет там тело его.

Но обстоятельства не позволили ему произвести намерения своего в действо. Принужден был послать брата своего, дав ему на дорогу денег, в Холмогоры с письмом к тамошней артели рыбаков, усиленно их во оном прося, чтобы при первом выезде на промысел заехали к острову, коего положение и вид берегов точно и подробно им описал; обыскали бы по всем местам, и если найдут тело отца его, так бы предали земле.

Люди сии не отреклись исполнить просьбы его, и в ту же осень нашли подлинно тело Василья Ломоносова точно на том пустом острове и, погребши, возложили на могилу большой камень. Наступившею зимою был он о всем оном извещен. Внутренняя его скорбь, давно уже многими примечаемая, превратившись в явную, со временем умерилась.

Умножилась его прилежность в науках и трудолюбие. Сочинил рассуждения о натуральной истории и химии, доказавшие членам Академии изящность его ума и глубину его знания, приобретенные

их к нему уважение и открывшие ему путь к достоинству химии профессора.

Между тем оставленная в Марбурге его жена ожидала второго от него письма целые два года: не знала, куда он девался. В таком страхе и неизвестности, наконец, в 1743 году месяце феврале подала письмо Российскому императорскому в Гаге министру графу Головкину, чрез которого получила она, как выше упомянуто, первое мужнино письмо: оным просила, чтоб сделал с нею милость, утешил ее печалию снедаемое сердце и облегчил бы бедственное ее состояние уведомлением, где находится муж ее, российской студент Ломоносов; еще ли у него в Гаге или где именно в ином месте? приобщила к тому письмо же и к мужу.

Графу Головкину известно было только, что Ломоносов за два уже пред тем года выехал из Амстердама в Петербург, где и находится ему надлежало. Охотно взял на себя переслать последнее письмо, написав и от себя собственно к канцлеру графу Бестужеву в Петербург, прося его об ответе.

Граф Бестужев приказал отнести письмо Ломоносову и взять для пересылки к жене его ответ.

Никто в Петербурге не думал, чтобы Ломоносов был женат. По прочтении письма сего вырвались у него следующие слова: «Боже мой! могу ли я ее покинуть. Обстоятельства мешали мне до сего времени не только вывести ее сюда, но и писать к ней. Теперь же пусть она приедет; завтра же пошлю 100 рублей на дорогу». Что и исполнил действительно. Из канцелярии графа Бестужева послано письмо его и деньги к графу Головкину в Гагу, а от него в Марбург. Того же года летом прибыла жена Ломоносова с дочерью и братом, на Любеком корабле, в Петербург и нашла обрадовавшегося приездом своим мужа весела и здорова. Жил он тогда в академическом доме подле Химической лаборатории.

Что Ломоносов в 1746 году произведен химии и экспериментальной физики профессором; что вовсе перестроил академическую лабораторию по новейшему и лутчему расположению; что многие делал эксперименты и новые открытия; так же какие академические сочинения писал и читал в собраниях академических, какие изящные похвальные речи говорил Великому Петру и императрице Елисавете Петровне; какие прекрасные и сильные писал стихи; какие книги, напр. Риторику, Российскую грамматику, Руководство к горному строению и заводам; какие издал в печать трагедии на стихах российских и какую Российскую историю, — все то не суть анекдоты, а труды, повсюду известные. Видеть их можно по порядку в печатных его сочинениях и в протоколах академических Канцелярии и Конференции.

Дарованиями и трудами своими снискал он всевысочайшую к себе милость блаженной памяти императрицы Елисаветы Петров-

ны. Во всенародное тому доказательство пожалована ему была сею государынею дача Коровалдай на Финском заливе, и взыскан чинами сперва коллежского, а потом ныне царствующею императрицею Екатериною II и статского советника.

Достоинства его уважены были отменно при дворе и от знатных особ государства, как, например, от канцлера графа Михайла Ларионовича Воронцова и всего его семейства; Ивана Ивановича и графа Петра Ивановича Шуваловых; тогдашнего академического президента и гетмана графа Кирилы Григорьевича Разумовского; от своих и иностранных славных ученых мужей и обществ, из коих некоторые имели его своим членом, как-то: Стокгольмская Академия Наук, славное Бононское общество и еще иные.

К анекдотам, касающимся до Ломоносова, из которых многим господин действительной статской советник Штелин был очевидным свидетелем, надлежит приобщить и следующий. Ломоносов, увидев первый раз в жизни своей мозаическую картину, изображающую плачущего апостола Петра, подаренную в Риме папою Климентом Ламбертином канцлеру графу Воронцову, восхотел такую же сделать и в России. Рассмотрев прилежно составление оной, делал сам, в плавильной своей печи, из стекла вставные камни разных цветов и теней. Составил потребный к работе сей мастик и изобразил довольно изрядно, для первой в России сделанной мозаичной картины, лице Петра Великого с Дангауерова подлинника. Потом непрестанно занимался сим художеством. Предприял наконец, по сенатскому указу, сочинение большой мозаической картины, величиной в 12, а шириною в 8 футов, представляющей сражение под Полтавою, в которой бы люди наперед были видны во весь человеческой рост. Столь великая картина, подобно как и многие другие, долженствовала быть поставлена на украшение внутренних стен Санкт-петербургской соборной церкви святых апостолов Петра и Павла. Окончена она им была чрез два года и несколько месяцев с нарочитым успехом.

Превосходству его учености, важности и красоте его пера отдавал справедливость и покойной действительный статский советник и кавалер Александр Петрович Сумароков, невзирая на всегдашнюю и непримиримую с ним вражду свою*.

Ломоносов скончался на третий день святой недели 1765 года. За несколько дней перед своею кончиною говорил он статскому советнику Штелину: «Приятель! я примечаю, что мне скоро умереть. На смерть взираю равнодушно, а сожалею только о том, что не успел

* Свидетельствуют оное следующие стихи в его печатных сочинениях:

«Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен»;

еще на ином месте:

«Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси».

довершить, что начал для пользы отечества, для славы наук и для чести Академии. К сожалению, вижу теперь, что благие намерения мои исчезнут вместе со мной».

Во время великолепных его похорон, на которых были Новгородской, и Петербургской архиепископы со многим другим знатным духовенством, некоторые сенаторы и иные знатные особы, был и всегда нелюбивший его господин Сумароков.

Все оставшиеся после Ломоносова бумаги выпросил светлейший князь Григорий Григорьевич Орлов у вдовы его себе, велел собрать Григорию Васильевичу Козицкому и запереть в особом покое своего дома.

Чрез несколько времени по смерти Ломоносова канцлер граф Воронцов, из уважения заслуг его к отечеству, вознамерился поставить над гробом его в Невском монастыре мраморный столб с надписью. Тогдашнему статскому советнику господину Штелину поручил сей граф нарисовать изображение камня по флорентинскому размеру и сочинить надпись. Тот и другая иждивением его сиятельства выработаны были в Ливорне из каррарского белого мрамора точно по рисунку: с высеченными прописями привезен в Петербург и воздвигнут над телом Ломоносова в помянутом монастыре.

Печатается здесь по изданию «Полного собрания сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Часть первая. В Санктпетербурге, иждивением Императорской Академии Наук, 1784 года, стр. III–XVIII.

